

The Daily Work of Merchant Fishermen in the 19th Century (Based on Materials from the Astrakhan and Orenburg Governorate)

Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University. Orenburg, Russia. Email: [kostya.abdrakhmanov\[at\]mail.ru](mailto:kostya.abdrakhmanov@mail.ru)
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>

Received: 13 January 2024 | Revised: 3 March 2024 | Accepted: 11 March 2024

Abstract

The study highlights the specifics of the everyday work of the merchants of the Astrakhan and Orenburg Governorates in the fishing industry. Emphasis is placed on the activities of entrepreneurs who explored the waters of the Asian region in the 19th century – the Caspian and Aral Seas, as well as the Emba, Amu Darya and Syr Darya rivers. The purpose of the study is to analyze the specifics of fishing in the 19th century as one of the spheres of merchant entrepreneurship in the Asian direction.

The choice of geographical boundaries is dictated by the desire to study the merchant fishing industry of the frontier regions of Russia as a branch of merchant business focused on the economic development of Asian territories. The paper presents the fundamental differences in working conditions between Astrakhan and Orenburg entrepreneurs. The article shows a wide range of organizational tasks solved by merchants in preparation for fishing operations. The localization of labor activity in the places of residence of Asian nomads (Kazakhs, Kalmyks, Turkmens) attributed unique character to the fishing business of the Astrakhan and Orenburg merchants of the 19th century. Merchants doing business in the depths of barely explored territories with little or no presence of Russian military were regularly attacked by steppe nomads. Conflicts of this kind led to the theft or destruction of the property of fishermen and sometimes ended in the death of merchants and their employees. To date, Russian historiography has not offered an analysis of the merchant fishing industry in the Asian direction in the 19th century in the aspect of everyday work, which brings novelty to the presented study.

Keywords

Merchants; Astrakhan Governorate; Orenburg Governorate; Everyday Work; Fishing; Caspian Sea; Fishermen; Hired Workers; Working Conditions; Asian Nomads

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Трудовая повседневность купцов-рыбопромышленников в XIX веке (на материалах Астраханской и Оренбургской губерний)

Абдрахманов Константин Алексеевич

Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, Россия.
Email: [kostya.abdrakhmanov\[at\]mail.ru](mailto:kostya.abdrakhmanov[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>

Рукопись получена: 13 января 2024 | Пересмотрена: 3 марта 2024 | Принята: 11 марта 2024

Аннотация

Исследование освещает специфику трудовой повседневности купечества Астраханской и Оренбургской губерний в сфере рыбопромышленности. Акцент сделан на деятельности предпринимателей, осваивавших в XIX в. водоемы азиатского региона – Каспийское и Аральское море, а также реки Эмба, Амударья и Сырдарья. Целью исследования является анализ специфики рыболовного дела в XIX в. как одной из сфер купеческого предпринимательства на азиатском направлении.

Выбор географических рамок обусловлен желанием рассмотреть рыбный промысел купечества фронтирных районов России в качестве отрасли купеческого предпринимательства, ориентированной на экономическое освоение азиатских территорий. В работе представлены коренные отличия в условиях труда между астраханскими и оренбургскими предпринимателями. Уделяется внимание широкому спектру организационных задач, решаемых коммерсантами при подготовке к промысловым работам. Уникальный характер рыбному бизнесу астраханских и оренбургских купцов XIX в. придавала локализация трудовой деятельности в местах проживания азиатских кочевников (казахов, калмыков, туркмен). Коммерсанты, ведущие промысел в глубине малоисследованных территорий, с минимальным присутствием или полным отсутствием российских военных формирований, регулярно подвергались нападениям степняков. Столкновения такого рода приводили к похищению или уничтожению имущества рыбопромышленников и нередко заканчивались гибелью купцов и их работников. На сегодняшний день в отечественной историографии не был предложен анализ купеческой рыбопромышленности на азиатском направлении в XIX в. в формате трудовой повседневности, что придает новизну предложенному исследованию.

Ключевые слова

купечество; Астраханская губерния; Оренбургская губерния; трудовая повседневность; рыбный промысел; Каспийское море; рыбопромышленники; наемные рабочие; условия труда; азиатские кочевники

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В XIX в. ловля и продажа рыбы составляли одно из основных направлений предпринимательской деятельности купечества Нижнего Поволжья. Увлечение торгового сословия Астраханской губернии рыбным промыслом объяснялось географическим положением региона. Широкая и полноводная Волга содержала колоссальные запасы рыбных ресурсов и обеспечивала хождение крупных судов, в том числе пароходов с большой осадкой. Расположенная в дельте Волги территория Астраханской губернии обеспечивала удобный выход к Каспийскому морю, рекам Урал и Эмба. В отличие от Астрахани, в Оренбургском крае не имелось крупных водных артерий. Немногочисленные значимые реки Оренбуржья – Урал, Сакмара и Белая – были мелководными и менее богатыми рыбными ресурсами. К тому же монопольным правом на ловлю рыбы по нижнему течению Урала обладали казаки Уральского казачьего войска. «Таким образом, исключительное право на рыбные ловли в нижнем течении р. Урала яичские казаки приобрели не дешевой ценой и не по прихоти одного из русских государей или государынь, раздававших в других местах ценные воды с учугами в частное владение. Это было результатом актов государственной важности...», – подтверждал привилегию казаков источник (Бородин, 1910, с. 11). Подобные обстоятельства делали промышленную добычу рыбы крайне редким явлением в деловой среде Оренбуржья XIX столетия. Однако некоторые купцы Оренбурга все же вкладывали средства в рыбопромышленность, выбирая сырьевой базой водоемы, расположенные в пределах Казахской степи и Средней Азии.

В современной отечественной историографии, посвященной истории купечества, а именно предпринимательским практикам торгового сословия, прослеживается некоторый дисбаланс исследовательских предпочтений авторов. Количество работ, рассматривающих купеческий рыбный промысел, значительно меньше блока исследований, освещающих другие сферы коммерции – ярмарочный торг, мукомольное дело, золотопромышленность, пивоварение, торговлю чаем и т.д. Краткая история рыболовного дела астраханского купца К. П. Воробьева представлена в работах И. А. Суздальцевой (2013; 2016). Деловая активность К. П. Воробьева также описана в статье З. Д. Адаловой (2008). А. В. Очиров перечислил фамилии наиболее известных астраханских рыбопромышленников и обозначил географию их коммерческой деятельности (2008). «Наиболее крупными рыбопромышленными предприятиями в Прикаспии были промыслы Хлебникова и братьев Сапожниковых, составлявшие вместе с другими рыбными промыслами Астраханской губернии крупный рыбопромышленный район, являвшийся едва ли не главным рыбным рынком России», – сказано в статье А. В. Очирова (2008, с. 203).

Такие моменты трудовой повседневности астраханских рыбопромышленников XVIII в. как внутриотраслевая конкуренция и регулярные налоговые правонарушения упоминаются в статье А. И. Комиссаренко (2019). Производственные отношения хозяев рыболовного дела и наемных работников являлись неотъемлемой частью деятельности участников рыбного бизнеса. В связи с этим высокую оценку заслуживает исследование А. И. Татарниковой, описывающее условия труда и особенности быта рабочего контингента рыбных промыслов Северо-Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (2017). Автор продемонстрировала объективные (погода и климат) и субъективные (примитивные орудия лова, низкая заработная плата наемных рабочих, безразличие нанимателей к качеству жизни сотрудников) условия труда промысловых работников (Татарникова, 2017, с. 186).

Участие в рыбном промысле автохтонного населения Калмыцкой степи в XVIII – XIX вв. также нашло отражение в научной литературе. Внимание авторов привлекли условия труда и жизни калмыков в рыболовецких поселках (Белоусов, 2021), регламентация торговых операций вольных калмыков-рыболовов, трудоустройство кочевников на промыслы к астраханским купцам (Манджиев, 2020) и другие вопросы, связанные с производственной обыденностью калмыков-рыбодобытчиков. Что касается рыболовного дела в Оренбургской губернии, то, как уже сообщалось выше, местные коммерсанты крайне редко отваживались инвестировать в это рискованное предприятие, что, в свою очередь, объясняет незначительное число релевантных источников по данной проблеме. Недостаток информации обусловил отсутствие интереса исследователей к данному виду предпринимательства оренбургских купцов. Рыбный промысел казаков в контексте их экономической жизни пореформенных лет проиллюстрирован в статье Е. В. Годовой и П. С. Кабытова (2017).

Таким образом, обращение к историографии рыбной промышленности Нижнего Поволжья и Южного Урала в XVIII – XIX вв. показало, что работы, освещающие повседневный труд коммерсантов, которые вели промысел за пределами азиатских границ Российской империи, практически отсутствуют.

Поскольку целостная картина трудового быта профессиональных сообществ, религиозных объединений, сословных групп и т. д. создается посредством анализа каждодневных, зачастую интуитивных (Бродель, 1993, с. 13) действий отдельных персоналий, применение микроисторического подхода является непременным условием подготовки исследования такого плана. Бесспорным является утверждение А. И. Куприянова о том, что «...изучение вопросов частной жизни не менее важно для познания прошлого, чем проблем экономики или социальной структуры общества, ибо оно возвращает обычного (а не только выдающегося) человека в историю» (1997, с. 87). Историк М. М. Кром заметил, что «...эффект повседневности наиболее убедительно

достигается» при последовательном применении учеными «микроисторических штудий» (2010, с. 176).

Пространство повседневности человека (в том числе и трудовой) формируется во многом благодаря ментальным установкам профессионального сообщества или нации в целом. Обратившись к истории «ментальностей», можно определить степень влияния сословно-цехового контура на формирование личности человека, его моральные установки и профессиональные качества. Историк-медиевист А. Я. Гуревич считал принципиально важным для изучения человеческой личности рассмотреть «...вопрос о том, что представляли собой те общественные и профессиональные группы, в недрах которых формировался и действовал индивид» (2005, с. 9). Также при подготовке данной работы был использован методологический подход одного из основоположников «Новой исторической науки» Ф. Броделя, считающего, что из «маленьких происшествий, из путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище» (1986, с. 40).

Географические рамки исследования включают фронтальные территории имперской периферии – Астраханскую и Оренбургскую губернии. Экономика этих административно-территориальных субъектов была во многом ориентирована на взаимодействие с рынками государств Азии и на освоение водных ресурсов Каспия, Арала и речных систем этих водоемов. Территория Средней Азии, Казахской и Калмыцкой степи выступает как регион реализации трудовых функций купечества и наемных рабочих.

Основная сюжетная линия исследования сконцентрирована в границах XIX в. Такой выбор оправдан отсутствием в более ранний период необходимого для решения исследовательских задач количества релевантных источников. Обращение к вопросам обыденной жизни подразумевает осмысление механизмов взаимодействия индивидов с окружающей их действительностью, в том числе посредством анализа рефлексии субъектов повседневности, отраженной в эго-материале.

Развитие научно-технической мысли в начале XX в. существенно преобразило жизнедеятельность купцов-рыболовов-промышленников. С этого времени в рабочем процессе стали массово применяться передовые средства производства и доставки (морозильные камеры, паровые суда, рельсовый транспорт), которые сделали бизнес более комфортным и продуктивным. Следовательно, специфика труда коммерсантов начала XX в. является предметом отдельного рассмотрения.

Вопросы организации рыболовной кампании: ключевые задачи и основные проблемы

Для купеческого сословия Астраханской губернии XIX в. была характерна массовая специализация на добыче рыбных ресурсов. В периодическом издании 60-х гг. XIX в. объясняется значение рыбного промысла для экономики региона: «Рыболовство есть не только одна из важнейших отраслей промышленности Астраханской губернии, но для многих из ее жителей составляет существенное средство к пропитанию, особенно для кочевых, каковы, например, калмыцкие улусы...» (Волга, 1864, 1 мая). Енотаевский купец 1-й гильдии М. Ф. Кожевников считал, что увлечение астраханского делового сообщества рыбопромышленностью является следствием отсутствия разумной альтернативы этому бизнесу. «Как эти бедняки, так и богатые конторы и значительные промышленники делом рыбным занимаются только потому, что нечем другим заняться», – объяснял положение вещей предприниматель (1863, с. 4). Добытая в водах Волги, Каспия и Эмбы рыба продавалась в самой Астрахани и отправлялась на общероссийский рынок через города Поволжья – Саратов, Казань, Нижний Новгород, Рыбинск. Рыба как возобновляемый, а потому практически бесконечный природный ресурс гарантировала коммерсантам стабильный доход. Но несмотря на естественные гарантии успеха, рыбопромысловое дело являлось многокомпонентным в организационном плане, трудоемким и рискованным предприятием. Тот же купец М. Ф. Кожевников в 1863 г. сослался на мнение Н. С. Мордвинова, объясняя трудности организации рыбного промысла. «Одним словом, дело рыбное тоже, что азартная игра в карты, как выразился покойный Мордвинов в Правительствующем Сенате, при обсуждении правил о каспийском рыболовстве», – цитировал российского политика астраханский предприниматель (Кожевников, 1863, с. 4).

Не опасались за свое состояние только очень богатые откупщики – владельцы больших водных участков, которые они либо сдавали в аренду мелким рыбопромышленниками, либо использовали для самостоятельной ловли рыбы. Неравнозначные финансовые возможности астраханских рыбопромышленников описаны в рабочих материалах министра государственных имуществ П. Д. Киселева за 1846 год. В официальных бумагах говорится, что крупные рыбные откупщики это «...люди капиталисты, которые могут переносить неудачи лова...» (ГААО, 1847а, л. 5об.), тогда как «...вольнопромышленник при первом неулове совершенно расстраивается» (ГААО, 1847а, л. 5об.). Самыми влиятельными и богатыми откупщиками Астрахани в 50-е – 60-е гг. XIX в. являлись купцы братья И. К. и В. К. Макаровы (Ответ редакции газеты Волга..., 1864), Д. Е. Бенардаки и «...известные рыбные монополисты братья Сапожниковы» (Волга, 1864, 9 мая, с. 2). Высокое положение потомственного почетного гражданина Ивана Макарова среди астраханской деловой элиты,

его финансовые возможности и привычные рычаги решения возникавших проблем своеобразно описал автор, скрывшийся под инициалом Ф. «А Макаров ведь и силен и богат. Силен, потому что рекни он слово и легион друзей... нет, не то что друзей, он друзей не имеет, а так, смотрящих ему в глаза – подымится, как один человек, и бросится на того, кого он укажет своей десницей, вооруженной бумажником, цена которому миллион! Он богат, потому что держит на откупу почти все астраханские рыболовные воды...», – несколько демонизировал астраханского предпринимателя анонимный автор (1864, с. 2).

В отличие от классических торговых операций, где купцы самостоятельно выполняли трудовые обязанности или делили функционал между собой и приказчиком, организация рыбного промысла требовала привлечения существенного числа людей. Привлекаемый к делу наемный персонал состоял как из низкоквалифицированной рабочей силы, так и из сотрудников более высокого уровня, специализация которых была связана с мореплаванием и судовождением. Сведения из Государственного архива Астраханской области о рыбных промыслах за декабрь 1847 г. показывают широкую номенклатуру рыбопромысловых специальностей: «На лодках и судах этих, а также и на промыслах употреблялись лоцманов, кормщиков и рабочих людей, а также разных мастеровых, так что: плотников для разных построек и чистки судов и лодок, икряников, солельщиков, клеевщиков и прочих...» (ГААО, 1847а, л. 6об.–7). Аналогичную информацию предлагает перечень специальностей сотрудников рыболовной компании оренбургских купцов Михаила Деева и Ивана Путолова, производившей рыбную ловлю на Аральском море в середине XIX века. В 1849 г. «Приказчик рыболовной компании мещанин Николай Захряпин 6-го того же месяца [сентября – К.А.] отправил шхуну в Аральское море при восьми рабочих, лоцмане Андрее Костине, кормщиках: Николае Агафонове и Семене Шикине, рабочих: Иване Кирилове, Василии Козлове, Иване Колтурине, Иване Жеваронкове, из поселян казак Петр Цыцылин для рыболовства при острове Николай, где они должны пробить по этому рыболовству до будущего лета», – говорится в источнике (ОГАОО, 1849–1850, л. 18).

Столь разнообразный перечень направлений трудовой деятельности отчетливо демонстрирует весь масштаб предприятия по вылову рыбы. При ведении рыбного промысла купцы нанимали для управления своими судами профессиональных шкиперов, лоцманов и кормщиков. Это были наиболее квалифицированные и высокооплачиваемые специалисты в деле рыбной ловли. От уровня их подготовки, опыта, умений и навыков зависела жизнь экипажа судов (в том числе и самого хозяина) и сохранность имущества. Всем лицам, занятым рыбной ловлей или ведущим морскую торговлю, настоятельно рекомендовалось при наборе команды убедиться в том, что «...экипаж состоял из хороших матросов под управлением опытного шкипера, дабы

не подвергнуть груз явной опасности» (ГААО, 1838–1839, л. 7об.). Высокие требования к кандидатам в капитаны, кормщики и лоцманы объяснялись тем, что штормы на Каспийском море, влекущие гибель людей и потерю товаров, были весьма распространенным явлением, и спасти положение не всегда могли даже опытные судоводители. В августе 1826 г. астраханский купец 1-й гильдии персидского происхождения Мир Абуталиб Мир Багиров пытался осуществить в море операцию по доставке дополнительной партии груза на борт своего судна. Чтобы осуществить догрузку своего шкоута «Екатеринослав», предприниматель нанял меньший по размеру дощаник астраханского мещанина Сергея Туркина, на который и погрузил партию товара. В результате небольшой плоскодонный дощаник «...с разным купеческим товаром и с десятью человеками пассажир, не дойдя до шкоута на двухсаженной с половиной глубине, сильным штормом был разбит и товар на нем находившийся весь погиб, а пассажиры четыре человека персиян потонули, трое же неизвестно где находятся» (ГААО, 1826, 1–1 об.). О капризах погоды на Каспийском море говорится в отчете Императорского Русского географического общества: «В зимнее время, по причине дурных и бурных погод, суда экспедиции, находящиеся в Баку, занимались работами только в недалеком расстоянии от этого порта...» (Волга, 1864, 6 апреля, с. 5). В газете «Голос Сибири» опубликован рассказ очевидца о последствиях шторма на Каспийском море, разыгравшегося в ноябре 1910 года. «Кругом на обломках разбитых барж плавали сотни людей. Гигантские волны подымали эти обломки, метали их как щепки из стороны в сторону, заливали, и каждая волна брала свои жертвы, смывала людей. Люди гибли на моих глазах в нескольких саженях от меня. Стоны погибающих заглушали рев бури. Это был какой-то ад, что-то неподдающееся передаче словами», – делился пережитыми эмоциями совладелец торгового дома «Горенштейн и Кесельман в Одессе» (Буря на Каспийском море, 1910, с. 2).

Малоопытные и слабо заинтересованные в успехе своих нанимателей лоцманы и капитаны могли упустить наиболее подходящий для плавания период, тем самым сдвинув срок реализации предприятия и заставляя купцов нести дополнительные издержки, или, наоборот, необдуманно рисковали, отплывая при неблагоприятных метеоусловиях. В 1818 г. астраханский гражданский губернатор Степан Семенович Андреевский в переписке с Морским министерством указал, что «...мореходные купеческие суда по нагрузке разными товарами медлили выходить в море через недеятельность приказчиков и лоцманов, пропустив же удобное время подвергли опасности а нередко и крушению суда...» (ГААО, 1803–1818, л. 529). Учитывая высокую ответственность, вызывающую моральное напряжение, ежемесячная оплата услуг кормщика, нанятого в астраханском порту, на 1841 г. колебалась в размере 60 – 64 руб. (ГААО, 1841, л. 2). Ориентируясь на вышеизложенный текст, можно сказать, что в работе по поиску персонала от купечества требова-

лось понимание человеческой психологии, чтобы иметь представление о том, насколько их служащие будут преданы делу хозяина.

Однако некоторые предприниматели в целях экономии средств не уделяли должного внимания состоянию своих судов. Из-за скупости владельцев плавсредства, регулярно контактировавшие с агрессивной водной средой, стремительно ветшали и представляли серьезную опасность для членов экипажа. Так, в 1844 г. экипаж судна, принадлежавшего астраханскому купцу Холшевникову и находившегося в аренде у персидского коммерсанта Мешады Сеид Аджи Альмамбетова, отказался выходить в рейс, видя критические неисправности корпуса. По воспоминаниям самого арендатора, экипаж «...отзывается производить погрузку судна и следовать по назначению в море, я со своей стороны делал экипажу убеждения к отправлению, но как лоцман, равно и музуры показали, что по худости судна без исправления онаго идти не могут, причем показали и повреждения, поверяя же оные усмотрел, что действительно нужно исправить корпус судна...» (ГААО, 1844, л. 1–1 об.). Необходимо пояснить, что музурами в XIX в. называли матросов на купеческих судах, ходивших по торговым и рыбопромысловым делам в водах Каспийского моря (Даль, 1881, с. 365).

Уровнем ниже располагалась корабельная обслуга – матросы, отвечавшие за парусную оснастку судна и выполнявшие работу гребцов. От лиц, нанимавшихся матросами на купеческие гребные и парусные суда, требовались хорошие физические данные и незаурядная выносливость. Отвечавшие за работу и сохранность главных средств производства, какими являлись для коммерсантов рыболовецкие суда, матросы являлись более ценным «активом», нежели представители прочих рабочих специальностей, задействованные исключительно на суше. Современник эпохи Н. Овсянников узнал от одного из матросов об особенностях службы на купеческих судах, ходивших по Волге в середине XIX века. «Бывало астраханские купцы всех матросов своих оденут в красные рубашки, чтобы отличиться перед другими купцами, чтобы перещеголять только их. Один перед другим лез из кожи, чтобы быть первым. Рабочему человеку на гребном судне у любого богатого купца было жить – широкое раздолье. “Пей ребята сколько хочешь, – вина в бочках вдоволь, только дело делай” – говорил хозяин», – вспоминал о привилегированном положении наемных гребцов неизвестный матрос (Овсянников, 1864, с. 1). Нередко сила и сноровка членов экипажа требовалась для отражения разбойных нападений. Подтверждение дихотомического статуса купеческих матросов – работник-воин – представлено в сочинении того же Н. Овсянникова: «По словам моего собеседника, тогдашний матрос был в тоже время и воин. Ему приходилось отбивать хозяйское добро от поволжских разбойников» (1864, с. 1). Ежемесячная оплата труда матросов-гребцов на купеческих весельных судах в середине XIX в. доходила до 40 руб. (ГААО, 1841, л. 2).

В зависимости от географии региона вырисовывался характерный круг проблем при найме рыболовецкой команды. Так, оренбургское купечество не имело возможности проводить мероприятия, связанные со снабжением рыболовных артелей и с ротацией кадров, используя водные артерии, поэтому вся логистика осуществлялась через небезопасную Казахскую степь и территорию ханств Средней Азии. В этих условиях передвижение сотрудников предприятий оренбургских купцов и рыбных обозов всегда было связано с риском нападения кочевников или представителей враждебного России Хивинского ханства. Основанная «...для рыбного и звериного промысла на Аральском море и впадающих в него реках компания на паях...» оренбургских предпринимателей И. Путолова и М. Деева испытывала серьезные трудности при поиске рабочих кадров. В 1848 г. И. Путолов и М. Деев направили письмо оренбургскому военному-губернатору В. А. Обручеву, в котором изложили основную причину данной проблемы. По словам купцов, рыбаки «...по отдаленности и опасности неохотно нанимаются даже за высокие цены и в особенности после несчастья, постигшего в нынешнем году трех человек, нанятых компанией, которые следуя по назначению убиты в киргизской степи хивинцами...» (ОГАОО, 1848–1849, л. 1 об.). Таким образом, забота о комплектовании рыбопромысловой команды подходящими кадрами, от специалистов в области морского дела до разнопрофильной низкоквалифицированной рабочей силы, составляла один из обязательных пунктов повседневного труда купцов, занятых рыбным промыслом.

Далее, для более четкой детализации фрагментов повседневного труда купцов и их работников в сфере рыбопромышленности, целесообразно назвать основные виды судов, применявшихся при рыбном промысле на Каспийском и Аральском морях, а также их речных системах (Волга, Эмба, Урал, Сырдарья, Амударья) в XIX веке. В этот период довольно распространенным транспортно-рыболовецким судном парусно-гребного типа являлась небольшая косная лодка, или коснушка, технические и габаритные характеристики которой позволяли осуществлять ловлю рыбы только на реках или в прибрежной зоне. Длина плавсредства колебалась от 5,5 до 9 м., ширина от 90 см. до 3 м. (Богославский, 1859а, с. 157). Собиралась косная лодка из дерева хвойных пород (ель и сосна), и могла взять на борт до 100 пудов (1600 кг.) различного груза. Рабочее место кормщика располагалось ближе к корме судна за специальной переборкой, а припасы хранились на самой корме в небольших рундуках (Богославский, 1859, с. 157–158).

Крупногабаритные и, соответственно, более мореходные парусные кусовые лодки использовались для ловли рыбы в удаленных от берега морских районах. Диапазон длины такого судна варьировался от 11 до 12,5 м., ширина составляла 2,5 – 3 м., максимальная грузоподъемность достигала 2000 пудов (более 32 тонн) (Богославский, 1859а, с. 129). На постройку кусовых лодок шел осиновый лес. Палуба была не сплошная, она прерывалась на расстоянии

5 футов (1,5 м.) от носа, где размещался «...рундук для мелкой поклажи и сиденья на нем лоцману или кормщику» (Богославский, 1859а, с. 129–130). Для отдыха кормщика предназначалась крайне тесная каюта на корме судна, состоящая из двух переборок, где человек «...едва только может улечься» (Богославский, 1859а, с. 130). Под палубой располагалось место для отдыха экипажа, где матросы могли восстановить силы и приготовить еду. «Здесь, на полу насыпается земля и на ней складывается кирпичный очаг, где готовится кушанье или варево: обед, ужин, завтрак», – сказано в источнике об условиях жизни матросов на купеческом рыболовецком судне (Богославский, 1859а, с. 130). Прямо в палубу над трюмом врезался большой чан с водой, в котором держали мелкую живую рыбу, применяемую в качестве наживки. Подобный способ добычи рыбы называли «ловить на живодь», поэтому полное название судов звучало как *живодные* кусовые лодки (Богославский, 1859а, с. 130). Пространство трюма использовалось для хранения улова. Кусовые лодки являлись флагманами купеческого рыболовецкого флота, основными средствами производства в этой сфере коммерции. В деле «О проведении в Каспийском море крейсерства в 1837 г.» объяснялась популярность у рыбопромышленников таких судов: «Кусовые лодки удобны для рыбопромышленников тем, что имея нос и корму возвышенные и не имея никакого вооружения кроме голой мачты, стоят на якоре в крепкий ветер покойно и не пропускают воды на палубу с носу или кормы; к тому же соображаясь с их нуждами, с сими лодками легче управляться» (ГААО, 1837b, л. 18–18об.). При помощи кусовых лодок рыбодобыча велась и в Аральском море. Например, в 1876 г. оренбургскими коммерсантами братьями Ванюшиными было «...доставлено на Аму-Дарью достаточное количество рыболовных снастей, а также спущено на Аральское море чрез Сары-Чеганак три кусовых и девять малых морских килевых лодок» (ОГАОО, 1876–1881, л. 6). Конечно, пространство рыболовецкого судна служило рабочим местом, в первую очередь, для кормщиков и моряков, но и сами владельцы бизнеса были вынуждены проводить определенное время на своих судах в периоды посещения временных и стационарных рыбацких поселений.

Процесс вылова рыбы шел параллельно с работой по ее упаковке и консервации для обеспечения длительного хранения и дальнейшей транспортировки скоропортящейся пищевой продукции. Применение большого количества соли позволяло сохранить рыбу на срок, достаточный для ее доставки с Каспийского моря и низовьев Волги в центральные регионы империи. «Судак, лещ и вобла улавливаемые здесь весной в значительных количествах обыкновенно солятся весьма крепко, потом провяливаются, отчего делаются способными к перевозкам в самые отдаленные места и сохраняются без всякой порчи в продолжении не одного года. Главный сбыт их во внутренние губернии Казанскую, Вятскую, Пермскую, Нижегородскую, Костромскую...», – сообщал о породах рыбы и подробностях географии поставок с Каспийского моря архивный источник (ГААО, 1847а, л. 15об.). Однако контакт с солью был

противопоказан для определенных пород рыбы. Купец 1-й гильдии М. Ф. Кожевников рассказал об особенностях подготовки рыбы к транспортировке естественным способом, т.е. благодаря сушке на солнце. «Частиковая рыба¹, кроме сельдей, за немногим исключением, почти вся отправляется с промыслов высушенная на солнце. Ежели положить ее на соль, то она отсыреет во время транспортировки и настолько попортится, что и полцены за рыбу не выручится при ее продаже, а между тем соль под рыбую вся перепортится от рыбьего жира и рассола, который будет стекать от сырой рыбы», – объяснил вредные последствия применения соли в процессе консервации некоторых пород рыбы енотаевский коммерсант (Кожевников, 1864, с. 3).

Рисунок 1. Косная лодка (Богославский, 1859b, с. 24)

Figure 1. Kosnaya boat (Bogoslavskij, 1859b, p. 24)

---

1 Такое названия получила промысловая группа рыб, добываемых в южных рыбопромысловых районах России. Обозначение связано с инструментом лова – сетью с мелкой (частой) ячейей. К частиковым породам относятся щука, судак, сазан, минтай, лещ, карась, окунь, сом, плотва.

Рисунок 2. Кусовая лодка. (Богославский, 1859b, с. 28)

Figure 2. Kusovaya boat (Bogoslavskij, 1859b, p. 28)

У мелких астраханских предпринимателей, в отличие от состоятельных откупщиков, отсутствовала финансовая возможность строить по берегам промысловых водоемов специализированные рыбозаготовительные базы, где в комфортных условиях можно было осуществлять обработку, фасовку и посол рыбы. Про рыбопромысловые комплексы богатых коммерсантов, включавшие всю необходимую для обработки и складирования рыбы инфраструктуру, писал современник эпохи: «У крупных промышленников дело организовано на громадную ногу с затратой огромных капиталов на помещения, орудия лова, консервирования и на содержание собственных судов и пароходов» (Бесчинский, 1903, с. 337). Кроме нехватки средств, небогатые рыбопромышленники сталкивались с внутрицеховой конкуренцией, когда монополисты-откупщики запрещали своим менее состоятельным коллегам устраивать посе-

ления рыбодобытчиков на землях, взятых в откупное держание. Вследствие этого купеческие рыболовецкие суда выполняли функцию «фабрик» по обработке и упаковке улова. По поводу причин вынужденной эксплуатации рыболовецких судов в качестве станций засола рыбы неизвестный автор оставил заметку в астраханской периодике начала 60-х гг. XIX в.: «...в настоящее время на откупных водах они этого сделать не могут, и уступая крайней необходимости вынуждены солить рыбные товары в лодках и привозить их в астраханские выходы или ледники», – сообщал о проблемах взаимодействия с откупщиками источник (Люди, 1863). Енотаевский купец Михаил Федорович Кожевников, занимавший в начале 60-х гг. XIX в. должность «...управляющего арендными промыслами и водами княгини Марии Ивановны Долгорукой...» (Волга, 1863, 2 февраля), а следовательно, прекрасно разбиравшийся в специфике рыбного бизнеса, также писал, что «...частиковая рыба укладывается и солится прямо в баржи и суда...» (1864, с. 3). Чтобы максимально продуктивно использовать благоприятное для ловли рыбы время, рыболовецкие экипажи проводили в Каспийском море от 2-х месяцев до полугода и возвращались к местам стоянок или в порт Астрахани, только полностью заполнив уловом трюм или израсходовав весь запас соли и съестных припасов (Кожевников, 1863, с. 4).

Выбор емкости для засолки и хранения улова зависел от ценности рыбы. Так, элитная рыба «...осетровых пород, которая потребляется в столицах преимущественно людьми богатыми...» (Кожевников, 1864, с. 3), засаливалась в специальных промысловых ларях, после чего перекладывалась в качественные бочки из липового дерева. Именно в такой таре продукция доставлялась на склады и рынки центральных регионов России. Менее ценный товар туго набивался в плохо сколоченные негерметичные бочки, позволявшие только зафиксировать рыбу, но не предохранявшие от протечки соляно-кровяной смеси и не препятствовавшие распространению неприятного запаха. М. Ф. Кожевников подтверждал желание коммерсантов сэкономить на перевозочных емкостях для дешевой рыбы: «...бочки (тары) для рыбы делаются очень плохие, которые едва только сдерживают рыбу, дабы она не мялась и меньше выдавливалось из рыбы влажности, между тем как рассол из бочек вытекает вон...» (1864, с. 3). Отказ купечества от покупки надежной транспортной тары объясняется высокими ценами на качественные изделия. В 60-е гг. XIX в. за хорошую дубовую бочку в Астрахани просили около 5 рублей.

Знавшие цену деньгам коммерсанты должны были разбираться в технологии обработки рыбы, чтобы понимать, что применение дорогой соли соответствует времени года. Сезонное снижение температуры влияло на расход соли, уменьшая количество консерванта в свежепойманной рыбе пропорционально показаниям термометра. В среднем на засол 1000 сельдей, весивших около 20 пудов, уходило 10 пудов соли (Кожевников, 1864, с. 3). Расходы на соль составляли одну из наиболее затратных статей для рыбопромышленников при

организации дела. Оренбургские купцы И. Путолов и М. Деев в 1849 г. закупили соль для рыболовецких артелей на Аральском море по 60 коп. за пуд ассигнациями (ОГАОО, 1849–1850, л. 2об.). В первой половине 60-х гг. XIX в. астраханские купцы-рыболовцы покупали соль по 79 коп. за пуд серебром, что считалось высоким ценовым показателем. Так как цены на минерал устанавливало государство, и купцы были обязаны приобретать соль только в казенных магазинах и складах, вопрос со снижением ее стоимости для рыбозаготовки невозможно было решить без нарушения торгового законодательства. Далеко не все коммерсанты могли позволить себе покупать соль на легальном рынке по высокой цене, что провоцировало рост преступлений экономического характера со стороны рыболовцев. Стремясь не только компенсировать затраты на организацию рыбной ловли, но и получить хоть какую-то прибыль, астраханские предприниматели незаконно пользовались услугами туркмен и казахов, продававших соль в разы дешевле.

В материалах Министерства государственных имуществ незаконная продажа соли рыболовцам кочевыми народами отмечалась как явление, наносившее существенный ущерб бюджету империи. В 1847 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев с сожалением указал астраханскому военному губернатору П. Е. Чистякову, что «...промышленники для соления рыбы имеют возможность пользоваться тухменской солью» (ГААО, 1847b, л. 20). Применение купечеством противоправных инструментов в процессе организации дела полностью соответствует предпринимательской психологии, открывающей индивиду оптимальные пути получения максимальной прибыли при минимальных издержках. Риск быть уличенным в правонарушении, конечно, существовал, но условия, предлагаемые кочевниками, были более чем привлекательны. «Большая часть морских ловцов в водах эмбенских и вольного промысла, для посола рыбы, будут или запасаться солью с берегов закаспийских, или покупкою от тухмен и киргизов, которые доставляют ее к берегам и развозят по морю – продают охотно от 7 до 3 коп. за пуд», – писал о ценовой политике на соль, практикуемой у тюркских народов, М. Ф. Кожевников (1863, с. 4). Дороговизну употребления соли в промышленных масштабах подтверждает вторичное употребление соледержащих отходов посола рыбы. Законсервировав рыбу и придав ей товарный вид, рыболовцы собирали жирно-солевую массу, вытекавшую из ларей и бочек, и продавали коллегам из других отраслей коммерции. Эту массу по цене от 10 до 16 коп. серебром за пуд сбывали в Саратове и на Нижегородской ярмарке содержателям мыловаренных заводов и кожевенного производства. Вторичный продукт «...расценивается мыловарами по тому, сколько в ней содержится жира, а кожеторговцами по тому, сколько в жировой вонючей смеси содержится соли...» (Кожевников, 1864, с. 3). Во время выхода в море запасы соли поглощали не только работы, связанные с консервацией рыбы, но и элементарная порча продукта из-за нахождения его в необорудованном

для хранения сыпучих веществ трюме рыболовецкого судна. За время многомесячного плавания борта судна неизменно давали течь, и соль, размещенная в негерметичных ящиках внутри трюма, впитывала влагу, портилась и растворялась. Определить место течи и оперативно устранить дефект борта получалось далеко не всегда, а прерывать лов и возвращать судно значило потерять определенную часть дохода, что для купцов было недопустимо. Об особенностях размещения улова и других продуктов на купеческих судах писал Н. Игнациус: «...соленая рыба, соль также укладываются как в ящик. Эта погрузка имеет неудобства: при сильной течи товар подмокает весь и портится; определить место течи в бортах нет возможности» (1863, с. 4). Получается, что в силу большого расхода соли из-за порчи купцы тратили много средств на ее приобретение, и потому стремились закупить минерал как можно дешевле, а после применения по назначению получить прибыль от продажи остаточного жиросоляного продукта.

От предпринимателей и лиц, отвечавших за сохранность улова, требовалось знать технологию консервации рыбы, иметь представление о допустимых объемах применения соли. Превышение норм содержания соли в рыбе давало обратный сохранению продукта эффект – нарушался товарный вид рыбы, а мясо становилось абсолютно непригодным для употребления в пищу. «Если на пересыпку рыбы соли дать больше, чем следует по указанию опыта, то во время транспортировки рыба вся перегорит, покраснеет, сделается трухлявою и окажется в рыбе большая утечка. За такую рыбу и четвертой части ее ценности не выручится», – писал о последствиях нарушения технологии посол М. Ф. Кожевников (1864, с. 3). Иногда предприниматели перевыполняли план по объемам вылова рыбы и сталкивались с проблемой перенасыщения рынка, когда сбыть весь улов по хорошей цене не представлялось возможным. В таких случаях коммерсанты серьезно снижали для оптовых скупщиков рыбы цены на свою продукцию, чтобы частично компенсировать затраты хотя бы на соль. Например, в 1861 г. «продавали сухую рыбу по 45 коп. пуд, в весе которой заключалось соли больше половины, деньги брали только почти за одну соль, а рыбу отдавали даром, ибо чистая соль продавалась тогда в Казани около 60 к. сер. за пуд!» (Кожевников, 1863, с. 4). Подобные ситуации позволяли перекупщикам получить хорошую прибыль, реализуя товар в центральных регионах России по рыночной стоимости. Так, в 1862 г. пойманный в низовьях Волги сом стоил на ярмарке в Нижнем Новгороде от 2 руб. до 2 руб. 25 коп. за пуд, судак от 60 коп. до 1 руб., сазан от 60 коп. до 1 руб. 10 коп., лещ от 70 коп. до 1 руб. 20 коп. (Волга, 1864, 12 февраля).

Трудовые отношения купцов и работников. Условия жизни на рыбных промыслах

Деловое взаимодействие купцов как хозяев рыбного бизнеса и наемного рабочего контингента составляло неотъемлемую часть повседневного труда коммерсантов. В этом процессе первоочередной интерес купцов заключался в стремлении добиться от сотрудников добросовестного выполнения своих обязанностей и при этом не превысить лимит материального стимула (оплата, питание, удобство мест проживания), а работники хотели от нанимателя относительно сносных условий труда и достойной заработной платы. Анализ специфики рыбопромышленности юго-восточного фронта России показывает, что коммерсанты получали желаемое гораздо чаще, чем их работники. Выше уже было сказано, что матросы составляли особую категорию сотрудников рыболовного предприятия XIX в., поэтому далее речь пойдет о рабочих сухопутных специальностей, в чьи обязанности входили обслуживание и ремонт помещений рыболовецкой ватаги, и собственно рыбаках, не имевших отношения к управлению судном. Беседуя с одним из матросов в 1864 г. Н. Овсянников узнал, что «...ему больше доверялось, от него часто зависела самая жизнь хозяина судна, с матросами больше и ласковее говорили» (1864, с. 1). Представители не мореходных профессий находились в совсем ином положении. Отсутствие практики юридического оформления договоров с рабочими, официально фиксирующих размер оплаты труда наемного контингента, условия проживания, продолжительность рыболовного сезона, периодичность и качество питания и т. д., позволяло купцам нарушать устно озвученные обещания. А. И. Татарникова описала комплекс основных разногласий в отношениях между купцами и работниками на рыбных промыслах Северо-Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Исследователь указала, что «...низкая заработная плата, нехватка спецодежды, устаревшие средства производства, неполноценное питание, неудовлетворительные условия проживания рабочих в бараках, отсутствие возможности получить своевременную медицинскую помощь приводили к конфликтам между владельцами рыбопромышленных псков и наемными рабочими» (2017, с. 186). В 1847 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев обратил внимание астраханского военного губернатора П. Е. Чистякова на то, что «...при расчетах рыбопромышленников с находящимися у них рабочими людьми, действительно происходят нередко ссоры, коих разбирательство без письменных договоров затруднительно и обыкновенно оканчивается с ущербом для рабочего народа» (ГААО, 1847b, л. 20).

Что касается стоимости услуг рабочих, – размер платы для лиц, занятых обработкой рыбы, формировался по гендерному принципу и не зависел от тяжести и объема работы. На астраханских рыбных промыслах в XIX в. трудилось немало женщин, которые получали заработную плату на 3–5 рублей

меньше, чем мужчины (Бесчинский, 1903, с. 339). Расчет с рабочими осуществлялся не ежемесячно, а к концу рыболовного сезона, длившегося в весенний период с 1 марта по 15 мая, в летний – с 15 июля по 15 августа, и самая продолжительная осенняя путина – с 15 августа по 6 декабря (Бесчинский, 1903, с. 337). За 2,5 месяца весенней путины рабочие мужского пола получали от 15 до 25 руб.; аналогичный труд женщин стоил 12–20 рублей (Бесчинский, 1903, с. 339). Чтобы судить о соответствии размера заработной платы объему должностных обязанностей, стоит посмотреть на условия, в которых трудились рабочие артелей, расположенных по берегам р. Эмба и Каспийского моря. Рабочий день на промысле длился 10–15 часов, в течение которого люди постоянно находились на жаре или холоде, в зависимости от сезона, и выполняли тяжелую работу, контактируя с вредной для организма человека водо-соляной смесью. Тяжелее всего приходилось рыбакам, которые производили ловлю неводом на мелководье. Находиться в воде им приходилось по 8–9 часов в день, поэтому даже наличие защитной одежды не спасало этих людей от различных заболеваний. «Хотя хозяева снабжают неводчиков непромокаемой одеждой, но она зачастую не достигает цели, и среди рабочих этой категории чрезвычайно распространена болотная лихорадка», – описывал экстремальные условия труда рабочих источник (Бесчинский, 1903, с. 339). Исходя из этого, можно понять, что установленная плата с максимальным пределом для мужчин в 25 руб. за период активного лова явно не соответствовала морально-физическим затратам людей. Кроме этого, как было отмечено выше, купец мог не выполнить условия договора, существенно задержав выплату денег или понизив размер условленной суммы. Материалы 60-х гг. XIX в. содержат пример такого поведения со стороны крупного астраханского рыбопромышленника И. К. Макарова. Незвестный автор утверждал, что «...Макаров назначает цены ловцам за рыбу и служащим жалование по своему благоусмотрению...» (Ф, 1864), в результате чего «все эти бедные люди, лова рыбу и служа у г. М., едва довольствуются насущным хлебом, доставляя возможность своему благодетелю-миллионеру наживать сотни тысяч» (Ф, 1864).

Кроме уклонения от честной и своевременной оплаты труда своих рабочих, предприниматели зачастую не соблюдали сроки поставки провианта на промыслы и экономили средства на качестве продуктов питания, предназначенных для артельщиков. В пищевой рацион рыбопромысловых рабочих в обязательном порядке входили ржаной хлеб, пшено и кирпичный чай. В 1835 г. управляющий Торговым домом коммерции советника Сапожникова астраханский купец 2-й гильдии Н. Солодовников писал военному губернатору И. С. Тимирязеву о необходимости отправить на промысел «...для продовольствия находящихся там рабочих людей и подрядных ловцов, муки ржаной сто четвертей, пшена русского двадцать пять пудов...» (ГААО, 1835b, л. 13). В качестве основного блюда употреблялась недорогая рыба частичковых пород.

О размере рыбного довольствия в источнике отмечено, что люди на промыслах получали «...частиковой рыбы сколько съест...» (Бесчинский, 1903, с. 339). Избыток недорогих продуктов улова позволял коммерсантам экономить средства на организации питания своих сотрудников, поэтому рыба употреблялась в пищу не только работниками береговых рыболовных артелей, но и судовыми рабочими. Например, в деле о карантинном досмотре судна астраханского купца Шафиева за 1838 г. указано, что морякам «...для собственного их продовольствия в пути дозволяется брать разной рыбы...» (ГААО, 1838, л. 5).

Вопреки информации, представленной в Путеводителе по Волге о том, что артельщики «...пищи получают вдоволь...» (Бесчинский, 1903, с. 339), современники эпохи указывают на регулярное небрежное отношение купцов или их управляющих к вопросам снабжения провиантом рабочих на рыбных промыслах. Ряд публикаций в астраханской газете «Волга» подтверждает масштаб проблемы условий существования рабочих на рыбных промыслах в XIX веке. Автор под инициалами В. Б. описал события 1864 г.: «Нынешним летом удалось нам видеть, и даже держать компанию, с судами, стоящими целый месяц в апшеронском проливе, удалось и помочь бедным музурам и рыболовам с сифидуринского и сальянского промыслов, умиравшим с голода; рыболовы с последнего промысла жалуются на дурное управление, что и доказывается заботливостью тамошнего управляющего, отправившего своих работников без хлеба» (В. Б., 1864, с. 5). Были у рабочих претензии к нанимателям и по поводу качества продуктов питания. П. Редькин записал момент спора управляющего одной из рыболовных контор Астрахани со старшим ловцом, представляющим интересы своих коллег (1864). «Да мы значит народ рабочий, так оно худой хлеб нам не подходяще, да и работники не едят, говорят, ты нас с голоду моришь, давай нам говорят хлеба хорошего, а то и работать не будем... Да что говорить, такого хлеба и собака лопать не будет...», – высказал коллективную жалобу на дурное качество хлеба старший рабочий (Редькин, 1864, с. 3).

Тяжелая ситуация со снабжением рыболовецкой артели оренбургских купцов И. Путолова и М. Деева, расположенной на Аральском море, была известна даже руководству Оренбургской губернии. Начальник Раимского укрепления¹ майор Е. Матвеев в апреле 1849 г. писал генерал-губернатору В. А. Обручеву: «С некоторого времени начали доходить до меня слухи, что работники компании рыболовной на Аральском море, нуждаются в провианте от того, что необеспечены от компании достаточным количеством муки и крупы и нет возможности покупкою или меной приобретать в настоящем году хлеб от киргизцев» (ОГАОО, 1849, л. 1). В таких случаях рыбакам и рабочим помогал выживать переход на одну только рыбу, но для того, чтобы полностью заменить ей хлеб и крупы, необходим был стабильный улов. Однако в начале весенней путины 1849 г. на Аральском море «...рыба до сих пор вовсе

1 Российская крепость на р. Сырдарья, просуществовавшая с 1847 по 1854 гг.

не ловилась, так что голод неизбежен», – озвучил возможный печальный финал Е. Матвеев (ОГАОО, 1849, л. 1 об.). Офицер подчеркивал, что катастрофическое положение контингента рыбных промыслов спровоцировано халатностью руководителей предприятия, и заверял генерал-губернатора в необходимости заставить собственников немедленно принять меры по исправлению ситуации. По словам Е. Матвеева, купцами Деевым и Путоловым была продемонстрирована «...беззаботливость противная человеколюбию и, наконец, выгодам самой компании...» (ОГАОО, 1849, л. 1 об.). В итоге «...чтобы не быть причиной крайней нужды, а может быть и голодной смерти нескольких человек...» (ОГАОО, 1849, л. 1 об.), начальник Раима согласился выделить работникам промысла некоторое количество муки из запасов гарнизона.

К обыденной жизни принадлежало и пространство реализации индивидом его трудовых функций, в данном случае это производственные поселения рыбодобытчиков. Конечно, рабочие рыбных промыслов проводили в условиях производства гораздо больше времени, чем их наниматели, но и сами купцы нередко оставались там на длительный срок по разным причинам. Собственники лично посещали свои предприятия для контроля над производственным циклом и решения различных деловых вопросов, требовавших участия хозяина. Покинуть артель в положенный срок не всегда представлялось возможным из-за проблем с транспортом, путями сообщения, или в силу неблагоприятных погодных условий. Так, астраханский купец Михаил Герасимов находился на рыбных промыслах Каспийского моря, расположенных в туркменских землях, с 9 декабря 1839 г. до конца января 1840 г., решая вопрос с местными старшинами о возможности ведения ловли рыбы на данном участке (ГААО, 1840–1841, л. 7).

Далее стоит сказать о возводившихся на промыслах жилых и хозяйственных помещениях, характеристики которых прямо влияли на комфорт пребывания купцов и сотрудников в рабочем пространстве. На промыслах крупных рыбопромышленников-монополистов, где могло быть задействовано до нескольких сот рабочих, для размещения большого количества людей строились помещения казарменного типа, не отличавшиеся какими-либо удобствами. По поводу «перенаселенности» этих строений источник писал, что «рабочие живут в тесных казармах...» (Бесчинский, 1903, с. 339). Для управляющих делом и хозяев бизнеса на промыслах такого масштаба строились отдельные дома. Небогатые рыбопромышленники, способные нанять 10-12 рабочих, в случае посещения промысла были вынуждены делить жилье со своими сотрудниками. Жилой фонд расположенной на северо-восточном берегу Каспийского моря рыболовецкой ватаги астраханского купца Леонтия Черемухина включал «два деревянных дома с камышовыми сенями...» (ОГАОО, 1853–1861, л. 7об.). В 1853 г. эти строения занимали несколько рабочих и родной брат купца Иван Черемухин, постоянно находившийся на промысле. Помимо жилых построек это промысловое поселение состояло из помещений хозяй-

ственно-бытового характера. Комплекс включал такие строения, как еще две камышовые «...конюшни, один ледник и четыре амбара, один деревянный амбар и баня (землянка)» (ОГАОО, 1853–1861, л. 7об.). Использование камыша в качестве строительного материала говорит о распространении этого растения на участке, выбранном под обустройство промысла, и о нехватке на месте строевого леса. Транспортные расходы по доставке на промысел и без того недешевой в Астрахани древесины были не по карману мелким рыбопромышленникам, поэтому при работе в степных условиях практиковалось применение доступного материала.

На этом же участке организовали добычу рыбы и возвели однотипные сооружения другие астраханские предприниматели. Дмитрию Аршинову принадлежали «деревянный дом, землянка и два камышовых и столько же земляных амбаров и деревянная баня» (ОГАОО, 1853–1861, л. 8). Обращает на себя внимание то, что баня, наряду со складскими и бытовыми строениями, являлась обязательным элементом рабочего пространства рыбоводыбывчиков. Ориентируясь на эти сведения, можно предположить, что работодателям была свойственна забота о гигиене в рабочей среде. Подобное отношение купцов к своим сотрудникам было связано с необходимостью предотвращать распространение болезней, вызванных антисанитарией, которые выводили из строя личный состав рыбных промыслов; уход требовал дополнительных трат, а замена умерших людей в кратчайшие сроки была невозможна. Поэтому при строительстве поселений на промысле для коммерсантов являлось целесообразным вложить средства в постройку бани силами самих рабочих, чтобы предотвратить сокращение прибыли и срыв сроков лова из-за внезапной нехватки рабочих рук.

Специфика контактов с азиатскими кочевниками

Главным отличительным элементом трудовой повседневности астраханских и оренбургских купцов-рыбопромышленников была организация деятельности в условиях российско-азиатской фронтальной зоны. Кроме решения вопросов логистики, ведения работ по строительству жилых домов и производственных площадок, а также поиска персонала разной квалификации, купцам приходилось взаимодействовать с народами, обитавшими на азиатском направлении, и эти контакты далеко не всегда были мирными. В XIX в., особенно в первой его половине, любой коммерсант, ведущий промысел на реках Эмба, Сырдарья и Амударья, а также ушедший ловить рыбу в Каспийское или Аральское море, мог подвергнуться нападению со стороны кочевников – казахов, калмыков и туркмен. Основной причиной разбойных налетов было банальное желание степняков присвоить имущество рыбопромышленников и взять пленников для продажи в среднеазиатские ханства, но иногда конфликты со смертельным исходом возникали на почве деловых

отношений из-за недоговороспособности сторон. О важности фактора налетов кочевников в сфере рыбопромышленности свидетельствует переписка астраханского военного губернатора И. С. Тимирязева с командиром одного из патрульных судов, задействованных для охраны российских рыбаков, добывавших рыбу в восточной части Каспийского моря. «Обитающие на Восточной стороне Каспийского моря тухменском берегу народы известные в простом быту под общим наименованием Корсаков, с давних времен беспокоят своими нападениями рыбопромышленников», – докладывал морской офицер в письме от 2 октября 1834 г. (ГААО, 1834, л. 11). Далее он указал на рост числа нападений и на низкую эффективность принятых правительством империи мер: «...хотя и отражаются каждое лето от здешнего морского начальства три военных бота для предохранения рыбопромышленников, от непрошенных покушений Корсаков, но невзирая на столь благодатную меру попечительного правительства, морские грабежи со стороны их не только не прекращаются, а напротив день ото дня более и более с дерзостью увеличиваются» (ГААО, 1834, л. 11). Деловое сообщество Астрахани с должным уважением относилось к попыткам российских властей хоть как-то обезопасить купцов и рабочих на рыбных промыслах в азиатских пределах, поэтому стремилось оказать содействие путем предоставления руководству страны сведений, касающихся обстановки внутри степи. В 1832 г. астраханский Городской голова предложил рыбопромышленникам обдумать конкретные варианты мер безопасности на эмбенских промыслах и направить эти проекты губернатору А. П. Гевличу. Однако эта инициатива градоначальника была встречена коммерсантами без должного энтузиазма. «...Я неоднократно предлагал при собраниях гражданам, занимающимся рыболовством в эмбенских водах... <...> ...с требованием от них сведений касательно надежнейшего ограждения промышленников от захвата хищного народа», – писал об инертном поведении рыбопромышленников Городской голова (ГААО, 1832, л. 3).

Но даже осознавая всю степень риска быть ограбленными или лишиться жизни, астраханские и оренбургские коммерсанты на всем протяжении XIX в. активно вели рыболовные кампании в водах, расположенных в пределах азиатского региона. Астраханский рыбопромышленник М. Ашуев, организовавший промысел на Эмбе осенью 1811 г., был ограблен казаками в декабре этого же года. При нападении кочевников погибли трое рабочих, а ущерб предприятию оценивался в 8 тысяч рублей (ОГАОО, 1811–1814, л. 11). В 1814 г. также на Эмбе нападению подвергся астраханский купец А. Кирпичников. По словам коммерсанта «...он от сего грабежа понес убытку чрез потеряние расшивы, лодки и разных рыболовных припасов до 2000 рублей» (ОГАОО, 1814, л. 1 – 1 об.). Кроме рыбопромыслового инструмента и лодки, нападавшие увели в плен трех работников купца. Захвачены были А. Т. Давыдов, Ф. И. Михайлов и М. Адеев (ОГАОО, 1814, л. 3).

В отдельных случаях столкновение с коренным населением азиатских земель заканчивалось гибелью самих коммерсантов. В декабре 1839 г. астраханский предприниматель Михаил Герасимов отправился на рыбный промысел, принадлежавший его родному брату купцу 2-й гильдии Александру Герасимову, с целью проверки готовности персонала и оборудования к весенней путине 1840 г. (ГААО, 1840–1841, л. 7). Участок Каспийского моря, где коммерсанты вели ловлю рыбы, примыкал к землям одного из туркменских племен, поэтому работы осуществлялись только с одобрения местных лидеров. Прибыв на место и узнав, что «...туркмены не позволяют производить там рыболовства...» (ГААО, 1840–1841, л. 7), М. Герасимов отправился на своем судне к туркменскому хану Кияту, чтобы прояснить ситуацию. Во время остановки в одном из туркменских селений между Герасимовым и местными старшинами произошел какой-то конфликт, закончившийся убийством купца и его работников. Пропажа М. Герасимова и его работников была обнаружена не сразу, а лишь через некоторое время «...кормщики кусовой Св. Василия поехали на нижнюю косу Ангурчинского за дровами, нашли на берегу хозяйские вещи: погребец, бумажник, изломанный компас, две шапки рабочих, весла, парус, руль, на другой день найдена разбитая лодка, хозяйское одеяло, подушка...» (ГААО, 1840–1841, л. 8). Представленный материал позволяет понять, что в XIX в. такие формы экономического освоения азиатских земель, как караванная торговля и рыбный промысел, подразумевали постоянную угрозу жизни и здоровью купцов и их служащих, несли риск потери финансов, товаров и прочих материальных средств. Степень угрозы для коммерсантов, проводивших деловые операции на азиатском направлении, очень точно определил самарский купец Д. Рукавкин в 1753 г., заявив, что в степи «...не только караваны нападения, а товары разграблению, но и купцы не редко убийству подвержены бывают» (Руссов, 1840, с. 33).

Купцы, занятые рыбным промыслом на землях казахов или туркмен, были людьми достаточно храбрыми и психологически устойчивыми, так как им хватало решимости раз за разом начинать рискованное предприятие даже после череды неудач. В исключительных случаях рыбопромышленники также могли прибегнуть к насилию, чтобы «рассчитаться» со своими обидчиками. Такое уникальное событие произошло в 1837 г., после захвата туркменами кусовой лодки астраханского купца 1-й гильдии «из персиян» Мир Абуталиб Мир Багирова (ГААО, 1837а, л. 36). В июне 1837 г. в Астраханское губернское правление поступила жалоба от сына туркменского хана Кията Кадыр Мамед Бека, в которой он изложил последствия для своих соплеменников от ответных мер со стороны купца Багирова. По словам представителя туркменской элиты, Мир Абуталиб Мир Багиров совершил «...на корабле его Самет с персидскими солдатами и под русским флагом нападение на Серебряный бугор, где переранены были трухмены, отняты, а частью истреблены все рыболовные припасы с причинением чрез то убытков на 200 тыс. рублей...» (ГААО,

1837а, л. 7–7об.). Если можно доверять словам одного из туркменских правителей Якши Мамеда, то воинственный астраханский купец продемонстрировал свою решимость отвечать ударом на удар и использовать имеющиеся для этого возможности еще зимой 1837 г., когда предпринял попытку обложить данью подвластное этому хану племя. В послании лейтенанту Кутузову – командиру одного из российских военных судов, базировавшихся в Каспийском море от 7 марта 1837 г., хан Якши Мамед красочно рассказал об угрозе, исходившей от купца Багирова. «По многим уважительным донесениям подчиненных мне туркмен о злоумышленных намерениях из персиян купца Мир Абуталиба Багирова, который нанимал персидских солдат и имея вооруженные пушками мореходные шкоуты свои, угрожает придти в селение Гассангули и напасть вооруженною рукою на жителей моего владения, разоряя оных, прекратить рыбопромышленность и производить возмущения между жителями Серебряного Бугра и гассан-гулинцами, страшая оных в случае, если же не будут на него ловить рыбу и ему отдавать, то прекратит торговлю с персиянами и не пустит ни одного киржима¹ к берегам персидским, называя себя морским флагманом персидских вод...», – описал агрессивные намерения купца туркменский правитель (ГААО, 1837а, л. 12). По сути, Мир Абуталиб Мир Багиров решил скопировать распространенную в XIX в. маргинальную модель поведения кочевников в отношении российских рыбопромышленников, вынужденных платить обитателям Азии дань за право спокойно вести дела в их владениях. В этой истории удивляют политические и финансовые возможности купца Мир Багирова, позволявшие ему нанимать иностранный воинский контингент, содержать личный флот и оснащать корабли тяжелым вооружением. Жалобы представителей туркменской элиты правительству Астрахани остались без удовлетворения, так как подобное самоуправство купца «...случилось вне пределов губернии Астраханской...» (ГААО, 1837а, л. 7об.).

Пример получения кочевниками дани с рыбопромышленников путем открытых угроз описан в рапорте лейтенанта Усаченко – командира военного брига, отправленного для борьбы с нападениями степных разбойников на рыболовные суда. В июне 1835 г. российский офицер доложил военному губернатору И. С. Тимирязеву о конфликте экипажа рыболовного судна с неизвестным кочевником. «...Татарин с расшивы вышел на берег <...> разговаривать с одним из киргиз-кайсаков, после долгого разговора киргиз стал страшить татарина, что если они с каждой расшивы не дадут им по 30-ти четвертей муки, то их и всех русских перерубят, татарин рассердив на киргиза остановил его лошадь, хотел связать и представить ко мне...», – рассказал о преступных намерениях казаха лейтенант Усаченко (ГААО, 1835а, л. 1). Задержать татарину кочевника не удалось, потому что последний неожиданно «...выхватил из под платья саблю и ударил татарина по левой щеке ниже глаза, не повредив

1 Разновидность судов, строившихся в Иране и кочевьях туркмен для плавания по Каспийскому морю.

оной и в ту же минуту ускакал в степь...» (ГААО, 1835а, л. 1–1 об.). Не поддавшийся угрозам казаха и пытавшийся защитить интересы владельца смелый татарин, скорее всего, был кормщиком на расшиве, потому что экипажи судов такого класса укомплектовывались в основном одними татарами (Богославский, 1859а, с. 123). В целом же, понимая, что, действуя на чужой территории, они находились в полной власти местных обитателей, купцы соглашались на их условия, и не только исправно платили за свою безопасность продуктами питания и товарами, но и торжественно принимали сборщиков дани, вручали им подарки и щедро угощали. «...Так что в один раз расшива платила 10 четвертей муки, в другой 30, а иногда 100 четвертей и сия пошлина была всегда вынуждаема угрозами и очень часто побоями, сверх того шкипер расшивы и купцы непременно обязаны всех тех накормить и подарить подарки...», – писал о проблемах российских купцов командир военного брига Усаченко (ГААО, 1835а, л. 2).

Однако известно, что агрессию со стороны степного народа, будь то казахи, калмыки или туркмены, иногда невольно провоцировали сами рыбопромышленники, занимая под обустройство промысла удобные для кочевых стоянок места. Конфликт подобного плана разгорелся в 1853 г.: «...Астраханские рыбопромышленники построили в киргизской степи западной части Орды, по побережью Каспийского моря, на пространстве между устьем Урала и Эмбы, около пяти или шести домиков с другими хозяйственными заведениями для скота и складки рыболовных припасов, где выкашивают луга и камыш, тем и стесняют киргизов в зимовочных местах и в продовольствии скота», – сообщал министр иностранных дел К. В. Нессельроде оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому (ОГАОО, 1853–1861, л. 1 об.). К счастью для купцов и работников промысла, этот инцидент был улажен без кровопролития благодаря вмешательству правительства Астраханской и Оренбургской губерний. Все же, несмотря на весь спектр трудностей, рыбопромысловая деятельность приносила существенную прибыль хозяевам дела. Применительно к упомянутому выше инциденту можно привести мнение академика К. М. Бэра, определившего потенциальную крупную прибыль рыбопромышленников в качестве главного стимула для опасного соседства с кочевниками: «...Уже то, что они решились зимовать между киргизами без всякой защиты со стороны правительства, достаточно уже показывает, каких выгод они от этого ожидают» (ОГАОО, 1853–1861, л. 24).

Для оренбургских купцов-рыбопромышленников, развивавших промысел на Аральском море и впадающих в него реках, наряду с угрозой налета кочевников, крайне актуальной была проблема логистики. Оренбургские коммерсанты, не имея возможности по аналогии с астраханским купечеством, ориентированным на Каспийское море, использовать волжскую речную систему, вынуждены были перевозить товар на телегах, запряженных быками, до Оренбурга. Один из соучредителей Торгового дома «Братья Ванюшины», занимав-

шегося рыбным промыслом на Арале в 70-е гг. XIX в., П. Е. Ванюшин описал основные препятствия для эффективной работы купеческой фирмы: «Безуспешность эта была не только прямым следствием неудобств путей сообщения, но и местные притеснения служащему персоналу Торгового дома в Аму-Дарьинском крае не мало вредили правильному ходу дела» (ОГАОО, 1876–1881, л. 1 об.). Слова купца 1-й гильдии Павла Ванюшина о трудностях взаимодействия сотрудников предприятия с населением азиатской степи не были вымыслом, они подкреплялись конкретным примером. В 1875 г. караван коммерсанта, груженный рыбой, был отогнан жителями урочища Айраклы от местных колодцев, под предлогом отсутствия у работников грамот уездных начальников, разрешавших использовать воду (ОГАОО, 1876–1881, л. 18). В это селение сотрудники фирмы купцов Ванюшиных заходили для пополнения припасов, когда следовали с уловом от Аральского моря до Кунграда. Предприниматель так описал тяжелую ситуацию, в которую попали его сотрудники: «...положение находившихся в караване было нелегкое, в безводной степи близ колодца приходилось умирать от жажды, изнуренный скот падал...» (ОГАОО, 1876–1881, л. 18). Понимая, что без воды весь караван обречен на гибель, предводитель проявил чудеса дипломатии и убедил аульных старшин дать доступ к колодцам. «...Благодаря находчивости старшего в караване недоразумение было улажено путем мирных соглашений», – рассказал о счастливом финале Павел Ванюшин (ОГАОО, 1876–1881, л. 18). Предприятие оренбургских купцов действительно столкнулось с фатальными трудностями при организации рыбного промысла на Аральском море и было вынуждено прекратить свою деятельность. Профессор А. М. Никольский, посетивший Среднюю Азию в начале 80-е гг. XIX в., так высказался о судьбе купеческого рыболовного бизнеса: «В 1876 г. фирма бр. Ванюшиных с целью рыболовства снарядила было на Арале два морских судна, но дело скоро лопнуло, и суда были разобраны на дрова» (Никольский, 1894, с. 81).

Выводы

Рыбопромысловая деятельность астраханских и оренбургских купцов XIX в., географически ориентированная на Каспийское и Аральское море, а также речные системы этих водоемов, являлась одной из сфер предпринимательской деятельности, направленных на экономическое освоение азиатских территорий. Несмотря на общую нишу коммерческих интересов, трудовая повседневность представителей делового сообщества двух регионов протекала в абсолютно разных условиях. Локализация Астрахани в дельте Волги и вблизи Каспийского моря подразумевала прочную зависимость экономики города от успехов рыбопромысловой деятельности. Массовое участие астраханских купцов в рыбном бизнесе порождало серьезную конкуренцию в этом сегменте коммерции. Из-за большой удаленности Аральского моря

от столицы Оренбургской губернии и связанных с этим обстоятельством рисков рыбный промысел привлекал только наиболее отчаянных и состоятельных оренбургских купцов.

Рыбопромышленники, отправлявшие свои суда в море на несколько месяцев, должны были быть уверены в надежности и исправности плавсредств, для чего приходилось регулярно вкладывать деньги в их обслуживание. Рыболовецкие суда, как наиболее дорогостоящие средства производства, управлялись опытным экипажем, услуги которого обходились купцам весьма недешево. На берегах водоемов купцы возводили стационарные рыбопромысловые базы, где шел производственный процесс, а также постоянно проживал контингент рабочих. В силу этого, повседневный труд коммерсантов подразумевал заботу о создании необходимых условий для длительного нахождения людей на производственной площадке – обеспечение служащих жильем, снаряжением и питанием.

Началу промысловой кампании предшествовала многоступенчатая организационная работа. Успех промысла напрямую зависел от опыта и ответственности моряков и рабочих, которым купцы доверяли суда, рыболовные снасти, а зачастую и свою жизнь. Комплектация экипажа судов и набор рабочего контингента промысловой артели требовали от купцов определенных знаний психологии человека. Обыденным явлением в деловой практике коммерсантов были конфликты с рабочими, вызванные низкой заработной платой, плохим качеством пищи и тяжелыми условиями труда.

Наибольшую угрозу для имущества коммерсантов, а также для их здоровья и жизни несли контакты с коренным населением азиатских земель – казахами, калмыками и туркменами. Активно промышлявшие грабежом банды кочевников разоряли береговые поселения рыбодобытчиков, уничтожали лодки и прочее оборудование, угоняли в плен и убивали людей. Но, несмотря на широкий перечень организационных задач и угрозы, исходившие от азиатских кочевников, коммерсанты Астрахани и Оренбурга все равно шли на риск и вкладывали средства в рыбопромышленную деятельность.

Список литературы

- Адалова, З. Д. (2008). Развитие рыбопромышленности Дагестана в конце XIX – начале XX вв. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*, 2, 5–8.
- Белоусов, С. С. (2021). Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.). *Oriental Studies*, 14(4), 685–696.
<https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696>
- Бесчинский, А. Я. (1903). *Путеводитель по Волге*. Товарищество И.Н. Кушнерев и К^о.

- Богославский, П. А. (1859a). О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. Типография Морского министерства.
- Богославский, П. А. (1859b). Чертежи и рисунки судов, составленные П. Богославским. К книге о купеческом судостроении в России. Типография морского министерства.
- Бородин, Н. А. (1910). В защиту уральского промысла. Типография Товарищества «Общественная польза».
- Бродель, Ф. (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Прогресс.
- Бродель, Ф. (1993). Динамика капитализма. «Полиграмма».
- Буря на Каспийском море. (1910). Голос Сибири, 1.
- В. Б. (1864, сентябрь 23). Волга, 42.
- Волга. (1863, февраль 2). 8.
- Волга. (1864а, январь 5). 23.
- Волга. (1864b, июнь 4). 19.
- Волга. (1864с, сентябрь 5). 25.
- Волга. (1864d, декабрь 2). 8.
- Годовова, Е. В., & Кабытов, П. С. (2017). Рыбный промысел в повседневной жизни казаков (вторая половина XIX–начало XX в.). Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 23(4), 12–16. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16>
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1803–1818). Ф. 514. Оп. 2. Д. 2.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1826). Ф. 679. Оп. 1. Д. 73.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1832). Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1834). Ф. 2. Оп. 1. Д. 159.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1835а). Ф. 2. Оп. 1. Д. 189.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1835b). Ф. 2. Оп. 1. Д. 207.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1837а). Ф. 2. Оп. 1. Д. 261.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1837b). Ф. 2. Оп. 1. Д. 271.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1838). Ф. 2. Оп. 1. Д. 286.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1838–1839). Ф. 2. Оп. 1. Д. 294.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1840–1841). Ф. 2. Оп. 1. Д. 410.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1841). Ф. 2. Оп. 1. Д. 412.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1844). Ф. 2. Оп. 1. Д. 781.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1847а). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1092.
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (1847b). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1103.
- Гуревич, А. Я. (2005). Индивид и социум на средневековом Западе. РОССПЭН.

- Даль, В. И. (1881). *Толковый словарь Живаго Великорусского языка: Т. 2. И–О* (Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора). Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
- Игнациус, Н. (1863, январь 16). Обзор постановлений, касающихся речного судоходства в России. *Волга*, 3.
- Кожевников, М. Ф. (1863, январь 23). Соображения по изменению акциза с соли. *Волга*, 5.
- Кожевников, М. Ф. (1864, октябрь 10). О необходимых льготах каспийского рыболовства. *Волга*, 43.
- Комиссаренко, А. И. (2019). Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII в. *Русь, Россия. Средневековье и новое время*, 6, 30–35.
- Кром, М. М. (2010). *Историческая антропология*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Квадрига.
- Куприянов, А. И. (1997). «Пагубная страсть» московского купца. *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*, 1, 87–106.
- Люди. (1863, апрель 13). Заметки на статью по поводу преобразования каспийского рыболовства (продолжение). *Волга*, 29.
- Манджиев, А. К. (2020). К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период. *Монголоведение (Монгол Судлал)*, 2(12), 232–243. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2020-2-232-243>
- Никольский, А. М. (1894). В стране глины и песку (Путевые очерки). *Мир Божий*, 10, 66–93.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1811–1814). Ф. 6. Оп. 10. Д. 834/15.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1814). Ф. 6. Оп. 10. Д. 1148.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1848–1849). Ф. 6. Оп. 10. Д. 6013.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1849). Ф. 6. Оп. 10. Д. 6125.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1849–1850). Ф. 6. Оп. 10. Д. 6134.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1853–1861). Ф. 6. Оп. 17. Д. 4.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). (1876–1881). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8474.
- Овсянников, Н. (1864, февраль 12). Из путевых заметок. От Нижнего до Казани. *Волга*, 8.
- Ответ редакции газеты *Волга* на письмо астраханского купца 1-й гильдии В. Я. Платонова и других коммерсантов. (1864, июнь 27). *Волга*, 31.
- Очилов, А. В. (2008). Развитие торговли, ремесла, рыболовства и соледобычи в Калмыцкой степи после 1892 г. *Известия Алтайского государственного университета*, 4–3, 203–204.
- Редькин, П. (1864, сентябрь 23). Сцены из быта рыболовных контор. *Волга*, 42.

- Руссов, С. В. (1840). Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. Типография Министерства внутренних дел.
- Суздальцева, И. А. (2013). О вкладе астраханского купца К. П. Воробьева в развитие рыбного хозяйства Дагестана на рубеже XIX–XX вв. *Интеграция народов Кавказа и России (К 200-летию Гюлистанского договора 1813 г.)*. Махачкала, 15 мая 2013 г., 293–298.
- Суздальцева, И. А. (2016). Астраханский купец К. П. Воробьев – крупнейший рыбопромышленник Дагестана на рубеже XIX–XX вв. *Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)*. Санкт-Петербург, 17 – 19 марта 2016 г., 329–337.
- Татарникова, А. И. (2017). Условия труда рабочих на рыболовных промыслах Северо-Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 12–3, 184–187.
- Ф. (1864, март 23). Монополия Рыбная в Астрахани. Предисловие. *Волга*, 15.

References

- Adalova, Z. D. (2008). Razvitie rybopromyshlennosti Dagestana v konce XIX – nachale XX vv. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2, 5–8. (In Russian).
- Belousov, S. S. (2021). Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18th and 19th Centuries. *Oriental Studies*, 14(4), 685–696. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696> (In Russian).
- Beschinskij, A. Ja. (1903). *Putevoditel' po Volge. Tovarishhestvo I.N. Kushnerev i K°*. (In Russian).
- Bogoslavskij, P. A. (1859a). *O kupecheskom sudostroenii v Rossii, rechnom i pribrezhnom*. Tipografija Morskogo ministerstva. (In Russian).
- Bogoslavskij, P. A. (1859b). *Chertezhi i risunki sudov, sostavlennye P. Bogoslavskim. K knige o kupecheskom sudostroenii v Rossii*. Tipografija morskogo ministerstva. (In Russian).
- Borodin, N. A. (1910). *V zashhitu ural'skogo promysla*. Tipografija Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za». (In Russian).
- Braudel, F. (1986). *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.: Vol. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Progress. (In Russian).
- Braudel, F. (1993). *Dinamika kapitalizma*. «Poligramma». (In Russian).
- Burja na Kaspijskom more. (1910). *Golos Sibiri*, 1. (In Russian).
- Dal', V. I. (1881). *Tolkovyj slovar' Zhivago Velikorusskogo jazyka: Vol. 2. I–O (Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora)*. Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa. (In Russian).
- F. (1864, March 23). *Monopolija Rybnaja v Astrahani. Predislovie. Volga*, 15. (In Russian).
- Godovova, E. V., & Kabytov, P. S. (2017). Fisheries in the Daily Life of Cossacks (Second Half of the XIX – beginning of the XX century). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 23(4), 12–16. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16> (In Russian).
- Gurevich, A. Ja. (2005). *Individ i socium na srednevekovom Zapade*. ROSSPEN. (In Russian).

- Ignacius, N. (1863, January 16). Obzor postanovlenij, kasajushhihsja rechnogo sudohodstva v Rossii. *Volga*, 3. (In Russian).
- Komissarenko, A. I. (2019). Astrahanskij rybnyj promysel v kontekste administrativnoj politiki Rossii v XVIII v. Rus', *Rossija. Srednevekov'e i novoe vremja*, 6, 30–35. (In Russian).
- Kozhevnikov, M. F. (1863, January 23). Soobrazhenija po izmeneniju akciza s soli. *Volga*, 5. (In Russian).
- Kozhevnikov, M. F. (1864, October 10). O neobhodimyh l'gotah kaspiskogo rybolovstva. *Volga*, 43. (In Russian).
- Krom, M. M. (2010). *Istoricheskaja antropologija*. Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Kvadriga. (In Russian).
- Kuprijanov, A. I. (1997). «Pagubnaja strast'» moskovskogo kupca. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*, 1, 87–106. (In Russian).
- Ljudi. (1863, April 13). Zametki na stat'ju po povodu preobrazovanija kaspiskogo rybolovstva (prodolzhenie). *Volga*, 29. (In Russian).
- Mandzhiev, A. K. (2020). Revisiting Pre-Revolutionary Fishing Practices of the Kalmyks. *Mongolian Studies*, 2(12), 232–243. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2020-2-232-243> (In Russian).
- Nikol'skij, A. M. (1894). V strane gliny i pesku (Putevye ocherki). *Mir Bozhij*, 10, 66–93. (In Russian).
- Ochirov, A. V. (2008). The Condition of the Development Fishing, Salt Mining, Trade and Crafts in Kalmyk Steppe after 1892. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–3, 203–204. (In Russian).
- Otvet redakcii gazety Volga na pis'mo astrahanskogo kupca 1-j gil'dii V. Ja. Platonova i drugih kommersantov. (1864, June 27). *Volga*, 31. (In Russian).
- Ovsjannikov, N. (1864, February 12). Iz putevyh zametok. Ot Nizhnego do Kazani. *Volga*, 8. (In Russian).
- Red'kin, P. (1864, September 23). Sceny iz byta rybolovnyh kontor. *Volga*, 42. (In Russian).
- Russov, S. V. (1840). *Puteshestvie iz Orenburga v Hivu samarskogo kupca Rukavkina, v 1753 godu, s priobshheniem raznyh izvestij o Hive s otdalennyh vremen donyne*. Tipografija Ministerstva vnutrennih del. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1803–1818). F. 514. In. 2. C. 2. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1826). F. 679. In. 1. C. 73. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1832). F. 2. In. 1. C. 20. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1834). F. 2. In. 1. C. 159. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1835a). F. 2. In. 1. C. 189. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1835b). F. 2. In. 1. C. 207. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1837a). F. 2. In. 1. C. 261. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1837b). F. 2. In. 1. C. 271. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1838–1839). F. 2. In. 1. C. 294. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1838). F. 2. In. 1. C. 286. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1840–1841). F. 2. In. 1. C. 410. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1841). F. 2. In. 1. C. 412. (In Russian).

- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1844). F. 2. In. 1. C. 781. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1847a). F. 2. In. 1. C. 1092. (In Russian).
- State Archive of the Astrakhan Oblast (SAAO). (1847b). F. 2. In. 1. C. 1103. (In Russian).
- Suzdal'ceva, I. A. (2013). O vklade astrahanskogo kupca K. P. Vorob'eva v razvitie rybnogo hozjajstva Dagestana na rubezhe XIX–HH vv. *Integracija narodov Kavkaza i Rossii (K 200-letiju Gjulistan-skogo dogovora 1813 g.)*. *Mahachkala*, 15 maja 2013 g., 293–298. (In Russian).
- Suzdalceva, I. A. (2016). Astrakhan Merchant K.P. Vorobyov – The Largest Dagestan Fish Industrialist at the turn of XIX-XX centuries. *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povesednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost' (regional'nyj aspekt)*. *Sankt-Peterburg*, 17 – 19 marta 2016 g., 329–337. (In Russian).
- Tatarnikova, A. I. (2017). Conditions of Workers' Labour at Fishery of North Western Siberia at the turn of the XIX-XX centuries. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 12–3, 184–187. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1811–1814). F. 6. In. 10. C. 834/15. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1814). F. 6. In. 10. C. 1148. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1848–1849). F. 6. In. 10. C. 6013. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1849–1850). F. 6. In. 10. C. 6134. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1849). F. 6. In. 10. C. 6125. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1853–1861). F. 6. In. 17. C. 4. (In Russian).
- United State Archive of the Orenburg Region (USAOR). (1876–1881). F. 6. In. 10. C. 8474. (In Russian).
- V. B. (1864, September 23). *Volga*, 42. (In Russian).
- Volga*. (1863, February 2). 8. (In Russian).
- Volga*. (1864a, January 5). 23. (In Russian).
- Volga*. (1864b, June 4). 19. (In Russian).
- Volga*. (1864c, September 5). 25. (In Russian).
- Volga*. (1864d, December 2). 8. (In Russian).